

Иоланта Сержантова

Между делом...

Эссе Стихи

12+

Иоланта Ариковна Сержантова

Между делом...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43118939

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-9500075-2-1

Аннотация

Первая часть сборника "Между делом..." эссе-описания природы Воронежского Государственного биосферного заповедника имени Василия Михайловича Пескова. Превосходство созидающей личности над индивидуумом, нацеленным исключительно на бездумное использование явлений и даров природы, – побуждение к раздумьям на эту тему. Поэтическая часть сборника – стихи о природе возникновения эмоций человека. Поэзия превосходства стихов в стихиях, из которых соткан окружающий нас мир. О сомнениях, насыщающих осознанное бытие, о разочаровании в себе и очаровании другими. Дизайн и фото на обложке – автопортрет, автор – Иоланта Сержантова

Содержание

Пока цветёт тюльпан...	4
Наивность	7
Вороны	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Пока цветёт тюльпан...

Она тонула. Не было сил подать голос, поэтому просто отчаянно гребла к берегу и надеялась, что её заметят. Хоть кто-нибудь. Чёрный плащ сбился на сторону и тянул ко дну, пушистая жёлтая шерстяная шапка намокла и отяжелела, окрылась, словно иглами, слипшимися от воды пучками...

– Ы-ы... – она смогла, наконец, выдавить из себя тяжёлый, как толща воды под ней, звук, – Ы-ы-и...

Пытаясь оттолкнуть от себя липкую как мёд и густую, словно смола, жидкость, она гнала волну, которая оказывалась несоизмеримо мельче приложенных к этому усилий.

– Ы-ы-ы... – облетали розовые лепестки её недолгой жизни, бок о бок с сёстрами: весёлая возня по утрам, совместные заботы... сладкий густой запах весенней травы... Так хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть, как вода смывает остатки радости бытия... Но разве это возможно?!

Внезапно она почувствовала под ногами опору. "Не может быть!" – первое, что пришло ей в голову, и она крепко ухватилась за вовремя подставленную руку...

– Здравствуй, малышка! Какая же ты мокрая... Давай я тебя согрею... Ты так отчаянно барахталась... было слышно даже через закрытое окно! Какая же ты храбрая! И мужественная! Я боялась, что не успею добежать... Ты слышала, как я кричала? Нет? Ну, ещё бы... Я бежала и вопила, что есть мочи "Держись!" Давай-ка я высушу твой плащ... и шапочку... Ну, что? Что ты так смотришь?! Испугалась... Давай-ка отойдём подальше от воды...

Я сажаю мокрого насквозь шмеля себе на ладонь, сгоняю воду с его чёрных крыльев, ерошу мизинцем жёлтую шапочку, чтобы поскорее просохла... Согреваю его своим дыханием и укладываю в колыбель жёлто-красного тюльпана, что растёт в самой гуще кроны вечнозелёного дерева семейства кипарисовых.

– Вот, сиди тут, обсушись, успокойся... Живи здесь! И никогда больше не подлетай туда, где много воды... Слышишь?! Нико-

Гда!

Третий день шмель наслаждается тишиной и покоем. Днём прогуливается по веткам туи, а перед заходом солнца устраивается в объятиях цветка, льнёт к лилейным! – и счастливо дремлет, пока надвигающаяся темнота запирает на все замки купол бутона... Пока – так... Пока цветёт тюльпан...

Наивность

Небо нахмурило брови туч, чихнуло прилично сверкнув очами и мы, – кто куда. В подъезд, в тень норки, под небритый участок травы... А тюльпанам... куда им?! Стоят, гордые и невозмутимые. Даром, что цветочки...

Один, шевельнув широкими зелёными плечами навстречу ветру, скрипнул желваками лепестков и замер. Убедившись в намерениях бесцеремонного в своих порывах ветра, прищурился и затих упруго. А другой... рядом, подле, не по примеру, а супротив... Встряхнул ладошками, раскинул их навстречу отрицанию погоды.

Мгновение, и вот уже поник. Лишь пара жеваных лепестков удержалось в разумных пределах...

Кто и когда оценит подобное, миру открытость?! Пчела или шмель, другая какая букашка, – и те уж не вымажут щёки в душистой и пряной пыльце...

Наивность, всё-таки, претит всему, что подле...

Вороны

«Вороны пришли подкормиться на свалку. И мне их, представьте, несколько не жалко!»

Стрелки, стрелки птичьих лапок.

Бродят без пальто и шапок.

Сонный хриплый голосок.

В клюве – кость, в ноздрях – песок...

Апрель 1967.

Мать обучила меня грамоте довольно рано. Первым словом, которое заставили прочесть, было не "мама" или "папа", а фамилия первого космонавта планеты, в которой так много сложного рычащего звука. Он был основным, воинственно настроенным против меня, и моего непослушного языка.

Логопед, к которому обратилась за помощью мать, постаралась на совесть. Показала как можно сворачивать язык в трубочку. Заставила повторить великое множество цоканий и прищёлкиваний. Но из-

влекать из моих уст искомый звук, с помощью все этих нехитрых приёмов, ей так и не удалось. Однако дефект речи был исправлен. Легко и случайно. Что неизбежно сформировало уверенность в том, что у каждой проблемы, помимо массы сложных и утомительных решений, есть одно—единственное, необременительное и правильное.

Неким прекрасным ясным, летним, прозрачным и весёлым утром, я в совершенном одиночестве шла к бабуле. Отец опаздывал на работу, и потому не повёл меня за руку до нужного дома, а просто высадил на остановке.

– Сама дойдешь? – с надеждой спросил папа.

– Дойду! – радостно подтвердила я.

В предвкушении вкусного сытного завтрака без понуканий и нотаций, беззаботной прогулки до обеда, я шла и пела песенку из «Бременских музыкантов». О том, как пролетают мимо нестрашные дороги... И тут, в самую верхнюю ноту, чистым воспроизведением которой я особен-

но гордилась в ту пору, вторгся чей-то смех:

– Ха-ха-ха!

Я остановилась и покрутила головой. В этот утренний час, когда весь советский народ, как один стоял у станка, прилавка или кульмана, рядом со мной просто физически не мог никто находиться.

– Странно... – произнесла я негромко, но предательская согласная исказила до неузнаваемости даже такое простое слово и...

Смех раздался вновь... Обшаривая взглядом листву близстоящего дерева, в поисках источника оскорбительного звука, я увидела... ворону, которая укоризненно смотрела на меня с ветки, своим красивым чёрным глазом. Одним! Она не стала тратить на какую-то маленькую картавую девочку, блеск двух, подозрительно умных глаз, одновременно.

– Зачем ты дразнишься? Я не могу выговорить эту проклятую «ры!». Не могу!

– Кар!

– У тебя-то получается, как надо...

– Кар!

– Что «кар»?! – вскричала я, внезапно ощутив во рту неведомое доселе волнение языка.

– Кар-р-р-р! – крикнула истошно ворона, и наклонила голову пониже так, что я не просто УВИДЕЛА, а почувствовала, как вибрирует её острый язык. Ворона даже и не думала смеяться надо мной. Она просто решила помочь маленькой девочке, которая так весело напевала, направляясь к дому своей бабушки. Я остановилась прямо под деревом, и задрала голову:

– Кар! – я привычно уронила раскатистую согласную в серый песок у ног.

– Кар-р! – возобновила свой урок ворона.

– Кар! – повторила я послушно, и не поверила собственным ушам, – Кар-р-р! Р-р-р!

– Кар-р-р-р! – возликовала моя блестящая преподавательница, и захлопала крыльями.

– Я умею говор-р-р-р-р «р-р-р»! Спасибо! Вор-р-рона! – закричала я, что есть мочи, и побежала к бабушке, повторяя на ходу

удивительный урок, который преподавала мне замечательно мудрая птица, холодея от ужаса, что потеряю этот звук по дороге...

– Кар-р! Кар-р-р! Кар-р-р-р-р! Бабушка! Ба-буш-ка-а-а! ВоРона! Научила меня говоРить букву Р-Р-Р-Р-Р!

– Ну, что ты выдумываешь, – грустно вздохнула бабушка, пропуская меня в квартиру.

– Ну бабусечка, ну, пожалуйста, ну давай я тебе скажу!!! Любое – пР-Р-Р-елюбое слово!!!

– Тихо. Не шуми, пожалуйста, не раздражай дедушку. Он плохо себя чувствует.

Я помню то дерево, с которого ворона учила меня правильно выговаривать самый ребристый звук русского алфавита. Я помню и саму птицу. Но на том дереве я не видела больше ни единой вороны. Ни разу! За сорок с лишним лет.

Время от времени я встречаю похожих птиц в иных местах. Обычных ворон вокруг всегда довольно много. Но тех необыкновенных птиц, со ЗНАЮЩИМ проница-

тельным взглядом, так же мало, как хороших и умных людей.

Райская птица с чёрным крылом... Лет через тридцать, или даже немногим больше, мне показалось, что я сумела отплатить добром за добро.

Однажды утром, в лютый мороз я увидела ворону, которая медленно замерзала на ветке. Потускневшие перья местами обледенели. Казалось, пройдёт совсем немного времени, и птица превратится в нечто, похожее на кусок промёрзшей древесной коры. У неё явно не было сил справиться с многочисленными останками январских обильных трапез. Быть может, ворона недавно перенесла на крыльях ангину, или просто была уже недостаточно молода для утомительной и кропотливой работы над ледяными скульптурами из неряшливых объедков.

В ту пору я могла позавидовать сытости церковной мыши, и сто пятьдесят граммов «кравовых» палочек, что лежали у меня в пакете, были для нашей семьи весьма ценной добычей. Но, как бы там ни было, я

шла в теплую квартиру, а ворона жила на улице... Недолго думая, я достала из пакета одну «крабовую» палочку, сняла с неё целлофан, и протянула вороне...

– Ворона! Возьми, пожалуйста!

Птица очень медленно подняла голову, взглянула на меня, на еду, зажатую в руке. С огромным трудом раскинула в сторону крылья, и оттолкнулась от ветки. Ворона была так слаба, что пришлось почти заталкивать угощение в её приоткрытый клюв...

Наутро мороз махнул на нашу местность рукой, и отправился сдерживать порывы жителей иных регионов. Ворона же, к моей огромной радости, выжила. И в течение нескольких лет, пока обитала неподалёку, каждое утро бросала под ноги моей собаке куриные кости, добытые из помойки. И я опять осталась в долгу...

Музыка весны

Дятел задумчиво наклоняет ещё не оттаявшую ветку, немного придерживает, а после отпускает. И, наклонив голову, слушает её продрогший за зиму вой, рассеян-

но глядит в никуда, рассматривая своё пролетевшее "вчера" и неуловимое "завтра". С каждым днём весны ветка становится всё уступчивее и звук из безнадёжно грубого превращается в оглушительно звонкий. Зайцы, едва переодевшись, вступают в соперничество с неряшливой птицей, чьи крылья постоянно обрызганы рассветом, сопровождая медленное разоблачение родных полян барабанной дробью, – лапами по пню...

Вы думаете, что это всё беззастенчивые наветы и лишь один ветер хозяин пауз природы?

Зайдите в лес так рано, как сможете, и поймёте, что музыка весны не в капли рыдающих крыш. Разжалобить полдень давно научился февраль, и в том нет ему равных, поверьте!

Но весна довольно холодна и жестока. И, более того, – она скупа! Она скупа на ласку и тепло. Каждый солнечный луч она по-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.